

Т.Ю.Борисова, к.и.н., PhD, НИУ ВШЭ СПб

“Чувство справедливости” и вопрос об ответственности на суде Веры Засулич 1878 г.

(Тезисы выступления на научном семинаре
СПб института истории РАН
"Россия в Новое время: государство и общество"
29 апреля 2021 г.)

Обычно период конца 1860х—1870х гг. называют “золотым веком” российского правосудия. Историография рассматривает это время с точки зрения “либерального” сдвига правоведов — судей, чиновников и адвокатов — в сторону “правовой сознательности.” Действительно, реформированный в 1864 году суд стал самой важной ареной для пересмотра конвенций о ценностях общественного и политического порядка в позднеимперской России. В публичном состязании между обвинителем и защитником представители общественности должны были выносить приговор, опираясь не только на букву закона, но и на понятия из сферы сакрального—совесть, справедливость, правда, истина. Чтобы судить по совести и встать на сторону правды, нужно было опираться на всем понятное понимание “бессовестного” и “неправды.” Знания о них, как видно из источников, были связаны с “чувством справедливости.” Это понятие прочно вошло в дискурс о российских реформированных судах. Но кто решал, что оно означало? Кто, как, и для каких публик формулировал канон “чувства справедливости”?

В историографии есть интересные работы, исследующие политическую историю позднеимперского периода — в особенности терроризм и общественную реакцию на него, — с точки зрения истории эмоций. Меня же интересует другое: как в дискурсах и практиках правосудия работали “публичные чувства”, в частности, “совесть,” которая в Судебных уставах 1864 г стала основным критерием вынесения решения о вине подсудимого.

Процесс Засулич 1878 г. обещал быть петербургской квинтэссенцией модного судебного зрелища с мелодраматическим сюжетом и политическими аллюзиями — молодая женщина стреляла в градоначальника, а прокуроры отказывались ее обвинять. Председатель Петербургского окружного суда А.Ф.Кони в виду большого интереса публики распространял билеты по своему специально составленному списку. Поэтому часть желающих присутствовать

собрались у здания суда на улице. По “счастливой” для историка случайности в потасовке, которая произошла после того, как толпе не дали нести Засулич по Невскому, был убит студент Сидорацкий и поэтому состоялось подробное расследование с допросом всех свидетелей. Рассматривая шестичасовой процесс Засулич, состоявшийся перед избранной публикой, и “суд улицы,” закончившийся стрельбой, как одно событие мы получаем интересную картину. Помещая оба этих “суда” в контекст более широкого круга источников, можно выделить несколько линий, которые я подробно рассмотрю в своем докладе:

1. “Право на защиту” становится определяющим для участников суда как в зале, так и на улице.
2. Вина и ответственность за преступление против жизни возлагается на представителей властей и стражей порядка.
3. В свидетельствах о процессе отчетливо виден литературный канон героя-жертвы судебного процесса.
4. “Священный суд общественной совести” (суд присяжных) противопоставляется государственному следствию. Он качественно выше по своему значению, так как ему придан сакральный характер.

По теме доклада опубликованы две статьи автора:

1. Борисова Т. Ю. [«Необходимая оборона общества» : Язык суда над Засулич](#) // В кн.: Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Под общ. ред.: М. Б. Велижев, Т. М. Атнашев. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 522-546. (Оригинальная версия доступна здесь: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/5/neobhodimaya-oborona-obshhestva-yazyk-suda-nad-zasulich.html>)

2. Tatiana Borisova. [Public Meaning of the Zasulich Trial 1878: Law, Politics and Gender](#) // *Russian History*. 2016. Vol. 43. No. 4. P. 221-244.

доступна здесь:

https://www.academia.edu/45604366/Public_Meaning_of_the_Zasulich_Trial_1878_Law_Politics_and_Gender